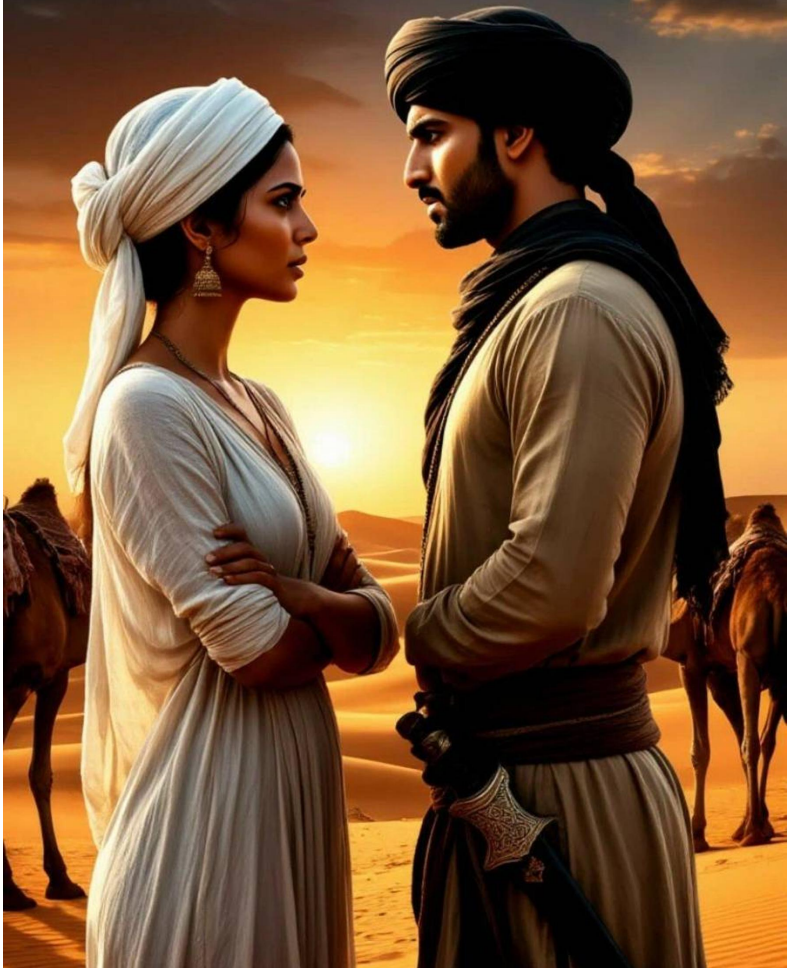

SAHARA

Николай Антонов

Сахара

<https://litres.ru/74166074>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вас ждёт приключенческое фэнтези в антураже восточной пустыни: история о свободе, семье, вере в чудо и, конечно же, о любви.

Сахара и её сестра Сафина бегут из дома в поисках легендарного чёрного шатра, исполняющего желания. Их цель — спасти Сафину, но путь лежит через опасную пустыню, где каждый шаг — тяжёлое испытание.

За ними следует Кирам — опытный караванщик с загадочным прошлым. Он мог бы вернуть сестёр домой, но решает идти с ними. Теперь троим предстоит научиться доверять друг другу — или погибнуть под палящим солнцем.

Это произведение для поклонников фэнтези с сильными героинями, атмосферными путешествиями и тонким романтическим подтекстом.

Николай Антонов

Сахара

Солнце огромным багряным диском закатывалось за горизонт, окрашивая красным цветом, гонимые ветром пески пустыни. Всё вокруг дышало тяжестью прошедшего дня. Пески были ещё горячими, но уже бескорыстно отдавали это тепло, вбирая в себя прохладу надвигающейся ночи. На стоянке караванов, возле колодца «Мира» было много людей. Бедуины, держащие свой путь через пустыню, очень часто останавливались здесь на ночлег.

Надвигающаяся ночь нисколько не заставляла пустыню молчать, наоборот, она все больше и больше наполнялась звуками. Люди разбивали лагерь. Туда-сюда шныряли погонщики, поторапливая рабов, набиравших воду для верблюдов. Караванов было несколько, поэтому нужно было соблюдать очередь, а уставшие и раздраженные животные могли легко выйти из себя, если их вовремя не напоить. Ставились шатры дня ночлега, а в центре стоянки, в большом каменном очаге, караванщики, развели огонь.

Поручив свои заботы прислужникам и рабам, пятеро караванщиков сели у костра, чтобы проводить этот день, узнав перед сном последние новости. Для караванщиков самым главным врагом была пустыня, поэтому на стоянках было принято делиться и не заводить конфликтов. Они накрыли

общий стол, на который каждый старался поставить самое хорошее, что у него было и, провожая взглядом почти скрывшееся за песками солнце, начали свою беседу.

- Братья мои, прежде чем приступить к трапезе, возблагодарим Всевышнего за все его щедрые дары. – сказал на вид самый старший из пятерки. Он был невысокого роста, но выглядел очень крепким. Кожа его была коричневой от бесконечных сражений с солнцем. Постоянно прищуриваемые глаза, покрылись морщинами в уголках. Волосы его были белыми, словно облака, только несколько прядей сохранили былой черный цвет, напоминавший о минувшей молодости. Старец носил аккуратную седую бородку. Одежды его были простыми, как и у всех караванщиков. Он был одет в чистый белый балахон, подпоясанный ремнем, простые свободные сандалии, а на голове его красовался тюрбан такой же белый, как и всё остальное его одеяние.

Караванщики вознесли руки к небу, повторяя молитву благодарности. Костёр уже неплохо разгорелся, и ветер поднимал в небо искорки, которые смешивались в нём с понемногу загоравшимися звездами.

- Благодарю вас, братья. – продолжил старший из них и, присев, взял свой кубок с водой. – Теперь можно отдохнуть. Была ли сегодня к вам благосклонна судьба?

- Всё благополучно, Набӣ-абá. – ответил более молодой караванщик. Старца, к которому он обращался, звали Набӣ, он был очень мудрым и добрым человеком, поэтому мно-

гие знавшие его люди, после его имени добавляли «абá», что означает «отец». – Пустыня была сегодня добра. Все люди и животные живы, товары не потеряны и мы, благосклонностью Всевышнего, дошли до колодца.

- Слава Всевышнему... - сказал старик, поднимая свой кубок к небу.

- Слава Всевышнему. – повторили за ним остальные.

- Есть ли какие-нибудь новости из западных границ пустыни, мудрейший? – спросил старца один из других караванщиков. Это был очень высокий широкоплечий мужчина с черными волосами. Одет он был так же, как и остальные караванщики. За исключением того, что он единственный укрывал голову платком, вместо тюрбана.

- На границе все спокойно, Бадр. – отвечал ему старик, понемногу попивая из кувшина воду. – Нам по пути встретились торговцы из Триполи, они рассказали, что скоро в порты придут корабли с товарами с севера. Так что, если у вас будет желание, то вы сможете там поторговаться. Говорят, что для этих товаров немного снизят пошлины, поэтому советую не упускать такого шанса.

- Благодарим вас, Наби́-абá. – вновь вмешался в разговор самый молодой из них. – Думаю, что если не упустить момент, то можно хорошенько разжиться на этих иностранных товарах.

- Наби́-абá, я вас также сердечно благодарю за вести и мудрый совет. – сказал Бадр, кивнув головой в знак уважения

старому караванщику. – Я смотрю, тебе не терпится вновь пересечь пустыню за этими товарами, Кира́м? Ты разве не слышал, что происходит на севере?

- Нет, почтенный Бадр. – ответил молодой караванщик, делая вид, будто не заметил замаскированной издевки своего старшего товарища. – Что же там происходит?

- О, это очень интересная история. История о шатре... - Бадр многозначительно посмотрел в свой кубок, делая вид, что не собирается дальше ничего рассказывать, пока заинтригованный молодой караванщик не начнет его упрашивать.

- О шатре? – удивился Кира́м. – Что за история такая? И почему она должна стоять между мной и моим желанием пересечь пустыню?

- Мудрейший Наби́-аба́. – обратился к старику один из других караванщиков. – Вы когда-нибудь слышали историю о шатре, которую хочет рассказать Бадр?

- Нет, мой дорогой, Али. Боюсь, что с этой историей я не знаком. Я уже давно не хожу к северным границам, поэтому до меня доходят лишь обрывки самых важных новостей. На интересные истории, как всегда в нашей жизни, у меня, к сожалению, не хватает времени. – старик снисходительно улыбнулся и опустил взгляд на пламя костра.

- Если вы позволите, Наби́-аба́, я расскажу вам. – произнес Бадр и снова сделал кивок, отдавая дань уважения пожилому караванщику.

- Что ж, думаю, что одна история перед сном мне не повредит. – старик кивнул в ответ своему более молодому собеседнику, а затем, приподняв руку, давая знак Бадру, что нужно немного подождать, во все горло крикнул: Сахара!

Эхо этого крика разнеслось по всей пустыне. Не смотря на то, что Наби́ был довольно пожилым человеком, его внутренняя энергия могла бы сравниться с потенциалом многих молодых людей. Его голос звучал уверенно и громко, когда это было нужно, в остальное же время, он предпочитал говорить тихо, так, чтобы все внимательно его слушали.

Меньше чем через минуту после того, как он крикнул, к очагу подошел человек. Это была очень красивая девушка среднего роста. Она была одета в белые свободные одежды, покрывавшие практически всё её тело, за исключением головы и рук. Её длинные волосы, словно морские волны, аккуратно спадали на плечи. Глаза её были темно-карими, как крепко заваренный кофе. Во взгляде читалась уверенность и дерзость с небольшой щепоткой девичьих мечтаний. Кожа бронзовая от южного солнца, всё же была безупречно гладкой и нежной. И даже свободная одежда не могла скрыть её прекрасной фигуры. Когда она подошла, то все скромно отвели глаза, потому как знали, что это за девушка.

- Ты звал меня, отец? – спросила она, подойдя к пожилому караванщику.

- Да, Сахара. Я знаю, что ты занята с сестрой, но я не могу поручить это слугам. Бадр хочет рассказать нам какую-то

очень интересную историю, а мы совершенно не настроены слушать её с водой в кубках. Бадр слывет хорошим рассказчиком, поэтому его истории достойны лучшего вина. Ты знаешь, о каком я говорю?

- Да, отец.

- Принеси его нам, мы подождём тебя. А пока, прежде, поговорим о делах. Ступай.

Девушка развернулась и пошла в сторону шатров. Слуги всё также шныряли туда-сюда, пытаясь как можно быстрее напоить уставших животных. Солнце уже окончательно скрылось за горизонтом, оставив пустыню в покровительстве ночи. Найти шатёр Наби́ было нетрудно. Он был самым большим на всей стоянке. Несмотря на то, что сам старик очень редко проводил в нём время, он заставлял слуг тащить его с собой, когда вместе с ним путешествовали его дочери: Сахара́ и Сафина́.

Войдя в шатёр, Сахара́ увидела, что её сестра лежит на простыне, рисуя что-то палочкой на песке. Когда Сахара́ вошла и начала рыться в вещах, Сафина́ беспокойно поднялась. Она была очень красивой молодой девушкой, одетой почти так же, как и её сестра. Её глаза были очень выразительными, познавшими печаль и несправедливость этого мира, но, всё ещё, по-детски наивными. У неё были острые скулы и аккуратный носик. Волосы её были такими же чёрными и прямыми, как у сестры, а кожа немного темнее, но не менее шелковистая и гладкая. Она была немного худее сво-

ей сестры, но это никак не умоляло красоту её фигуры. Она казалась хрупкой, словно фарфоровая ваза, словно капелька воды, застывшая на травинке после дождя.

- Не переживай, Сафина. – сказала Сахара, положив обе ладони сестре на щеки, а та их немедленно к себе прижала. – Я скоро вернусь. Отец попросил отнести это вино. Они с другими караванщиками решили сегодня немного отдохнуть, послушав какие-то истории. Хочешь, я подслушаю их историю, а потом расскажу тебе перед сном.

Сафина улыбнулась и кивнула, отпуская руки своей сестры. Взяв среди вещей кувшин с вином, Сахара вышла из палатки и поспешно направилась к отцу. Теперь она не только переживала, о том, чтобы успеть доставить вино, она ещё и боялась пропустить начало истории. К счастью, этого не произошло. Когда она подошла, отец с другими караванщиками, всё ещё обсуждали новую торговую политику султана Икрама и то, как она скажется на их делах.

«Скукота...» - подумала про себя Сахара, и, подойдя к отцу, поклонилась, протягивая кувшин с вином.

- А, вот и ты, Сахара. Благодарю тебя, да сохранил тебя Всевышний. Ну что ж, дорогой Бадр, теперь можно и рассказ послушать. Только потом не говори, что старей Наби тебя не уважил вином. – караванщик засмеялся.

- Никогда не подумаю сказать такого о, мудрейший. Для меня великая радость разделить с вами это вино и эту историю. – он снова сделал свой дежурный поклон в сторону

Наби́. Конечно, эти поклоны были больше данью этикету, но чувствовалось, что они, всё-таки, делались искренне.

- Саха́ра, ты ещё здесь? – удивился старик, заметив, что его дочь всё ещё стоит рядом с ним.

- Отец, позволь мне разлить вино, в знак моего уважения тебе и всем присутствующим. – она опустила голову, спрятав хитрые глаза, а уставший Наби́ даже не старался разглядеть в них какого-то подвоха.

- Что ж, дочь моя, позволяю. Бадр, прошу тебя, не стоит больше нам мучить юного Кира́ма ожиданием. Если ты не против, то я попросил бы тебя начать свой рассказ. – Наби́ присел поудобнее и устремил свой взгляд прямо в глаза Бадру, приготовившись внимательно слушать.

- Как вы пожелаете, мудрейший. Тогда я начну. – Бадр тоже уселся поудобнее и, вдохнув побольше воздуха, заговорил: – Когда несколько дней назад я был на северо-востоке пустыни, я встретил на стоянке двух караванщиков, рассказавших мне историю, которой я отказался поверить. Они сказали мне, что по пути на восток, потеряли несколько своих людей из-за какого-то шатра в пустыне. Я очень удивился этому и спросил их, что они имеют в виду. Тогда они рассказали о том, что в середине седьмого дня их путешествия, в самый жаркий час, когда солнце было в зените, они увидели на горизонте небольшой красивый шатёр чёрного цвета.

- Чёрного цвета? – удивился Кира́м.

- Кира́м, не перебивай рассказчика, пожалуйста. – улыб-

нулся Наби́, и дал знак Бадру, чтобы тот продолжил.

- Да, чёрного цвета. Я сам удивился, потому, как редко встречал чёрные шатры, обычно они все из белой ткани, но это не самое интересное в истории. Дальше они рассказали, что подумали, будто это самый обычный пустынный морок – мираж, который пропадёт, как только они к нему приблизятся. Они шли дальше, подходили всё ближе, но мираж не исчезал. Они начали переспрашивать друг у друга, кто что видит. Все видели одно и то же – небольшой чёрный шатёр, стоявший прямо на вершине песчаного бархана, а возле шатра сидящего неподвижно старца, одетого в чёрные одежды.

Саха́ра внимательно слушала историю караванщика, как можно медленнее разливая вино, чтобы потом не пришлось где-то прятаться и подслушивать. Но, несмотря на то, что Бадр говорил довольно быстро, она наполнила уже три кубка из пяти и скоро должна была уходить.

- Они подходили всё ближе и ближе. – продолжал свою историю Бадр. – Но шатёр со старцем не исчезали, и тогда они поняли, что это вовсе не морок. Дойдя до них, они подошли к старцу и спросили его, что он тут делает, куда держит путь, почему разбил тут шатёр и почему сам сидит снаружи, вместо того, чтобы быть внутри.

- И что же ответил старик? – выпалил в нетерпении Ки́ра́м.

Саха́ра наполнила последнюю чашу и посмотрела на него злобным взглядом, думая при этом, что мужчине никак не

идёт быть настолько несдержанным и нетерпеливым. Она поставила кувшин и, поклонившись всем пошла в сторону шатров. Ночь уже полностью опустилась на пустыню, поэтому Сахара отошла всего на десяток шагов и, затаившись, с упованием слушала продолжение рассказа.

- Этот старик ответил им. – Бадр вновь продолжил свое повествование. – Что он страж и советник при этом шатре и, что это не простой шатёр, а волшебный – исполняющий желания.

Все громко засмеялись. Даже Сахара, притаившаяся в ночи, прикрыла рот рукой, чтобы не выдать себя подступающим смехом. Однако на Бадре почему-то не было улыбки. Он выглядел довольно встревоженным, хоть и не настолько сильно, чтобы это могли заметить остальные, но у Сахары было особенное чутьё на такие вещи. Она прекрасно понимала людей, была очень хитрой, увёртливой, и никогда никому не позволяла себя обмануть. Поэтому, увидев выражение лица рассказчика, она поняла, что история далеко не смешная.

- Я тоже смеялся... - сказал Бадр, вздыхая.

- Прошу тебя, дорогой Бадр, не обижайся. – сказал Набӣ.

– Просто мы не ожидали такого поворота событий, я думал, что ты рассказываешь нам реальную историю.

- Так и есть, мудрейший. Я говорю чистую правду вам и я уверен, что они говорили чистую правду мне, ведь они поклялись перед Всевышним. Настолько они были отчаянны в

том, чтобы я им поверил, что сделали это, Набӣ-абá. Когда они так сказали, я понял, что они не шутят, и попросил продолжить историю дальше. Если вы хотите, то и я вам дальше расскажу.

- Ну, конечно же, дорогой Бадр. Прости, что мы тебя перебиваем. Мы с удовольствием послушаем. Правда, же? – спросил караванщик у остальных.

- Да, да, конечно. – все согласно закивали, и внимание снова было приковано к рассказчику.

- Так вот... - продолжил караванщик. – Этот старик сказал, что шатёр исполняет желания и, что попросить у него можно что угодно, кроме одной вещи. Какой – они не знают, но я догадываюсь. Старик предупредил их, чтобы они крепко подумали над своими желаниями, перед тем, как входить в шатер. А ещё сказал, что может дать им один совет – ни в коем случае не входить туда.

- Почему они вообще ему поверили? – спросили Набӣ, озвучив вопрос, который был на устах у всех.

- Я спросил у них то же самое, мудрейший. Дело в том, что они не поверили, они приняли всё за бред сумасшедшего. Но, это их забавляло, и один из них решил войти в шатёр. Опасаться было нечего, ведь, они там были целым караваном, а у шатра был всего один старик. Они смеялись... Но, как только подол шатра закрылся за входящим, они перестали смеяться. Потому как вошедший, больше никогда оттуда не вышел.

- Что?! – воскликнул Кира́м, удивленный подобным поворотом истории. – Что значит не вышел!?

- То и значит, мой юный друг.

Лица всех сидящих стали более серьёзными. Старый Наби́ понимал, что Бадр не шутит и у него оставалось два варианта: либо Бадр на жаре немного потерял рассудок, либо всё это каким-то чудесным образом, действительно было правдой. За свою долгую жизнь Наби́ видывал немало разных чудес. Какие-то он мог для себя объяснить, какие-то нет, поэтому полностью отмахнуться от истории Бадра он не мог.

- Прошу тебя, дорогой Бадр, продолжай. – сказал Наби́, заметив, что все слушатели были в сильном напряжении, включая притаившуюся неподалеку Сахару, о которой он, конечно же, не догадывался.

- Они сказали мне, что когда начали окликать зашедшего в шатёр первого человека и не услышали ответ, то за ним вошли ещё двое, снова запахнув за собой подол шатра. Они тоже оттуда не вернулись. Тогда среди тех, кто остался снаружи, началась паника, они отодвинули подол шатра, но там было пусто. Только песок, да ткани, больше ничего... Никаких следов вошедших туда трех людей. Тогда они накинулись на старика, сидевшего у этого шатра, спрашивая у него, где эти люди. Тот отвечал, что не знает и знать не может. Они начали кричать и обвинять его в убийстве, тогда он воскликнул: «Как можете вы клеветать на меня, когда я всегда был подле вас, и разве не я предупредил вас, чтобы вы туда

не заходили!?»). Они были в отчаянии и грозились убить его, тогда он сказал, что это наслёт на них большое проклятье, от которого им никогда не отмыться. Они хотели снести шатер, но не смогли с ним ничего сделать, так как, как только они предприняли свою попытку, поднялась песчаная буря. Словно детей их охватил страх, и они поспешили убраться оттуда, оставив позади и шатёр, и старика, и трёх своих товарищей. Это мне рассказали двое присутствовавших там людей, клятвенно зарекаясь, что всё это правда...

- Интересная история, дорогой мой Бадр... Наверное, силы шайтана пытаются обманом и лживыми обещаниями затащить людей во мрак. Я допускаю, что это правда и верю тебе. Но, всё же, я думаю, что старик, сидевший у шатра, соврал насчет исполнения желаний. – Наб́и задумчиво поглаживал свою бородку.

- Я не знаю, Наб́и-аб́а, но я думаю, что раз в этом шатре есть сила, то она может быть использована и в праведных целях. Недаром страж сказал, что над желанием надо подумать... - Бадр задумчиво устремил свой взгляд к звёздам.

Дослушав рассказ, Сах́ара поспешила вернуться в свой шатёр, пока её присутствия никто не заметил. К этому моменту движение на стоянке уже поубавилось. Почти все животные утолили свою жажду, и большинство слуг уже отдыхало. Стоянка медленно погружалась в сон. Ясно слышно было только шум, доходящий от пятерых караванщиков, говоривших о чём-то своём у костра. Что именно они говори-

ли, Сахара уже не могла услышать, но она была уверена, что они обсуждают рассказанную Бадром историю.

Войдя в шатёр, она обнаружила, что сестра, не дождав-шись её, спокойно спит, положив руку на подушку. На секун-ду девушка была рада, что Сафина её не дождалась, потому как Сахара не очень хотела рассказывать ей на ночь эту ис-торию. Конечно, её сестра была всего на пять лет младше её и уже казалась совсем взрослой, но Сахара знала, что внутри она, всё ещё, хрупкое дитя, требующее заботы.

Сафине было семнадцать лет, в то время, как Сахаре ско-ро должно было исполниться двадцать три. Обычно прилич-ные девушки, которые к тому же обладают знатным придан-ным, в её возрасте уже все были замужем, но Сахара отли-чалась своенравным и строптивым характером, подчиняясь только своему отцу, да и то, не всегда. Не раз почтенный На-бий-абá пытался подобрать жениха для своей дочери, но, каж-дый раз эти попытки оборачивались провалами и принципи-альными отказами молодой девушки.

Конечно, как и все остальные девушки, она верила в лю-бовь. И в те великолепные волшебные романы, которые им с Сафиной рассказывали нянечки. Она верила, что где-то там для неё есть идеальная пара и никак не могла представить, что выходит замуж только потому, что её просит отец. С воз-растом девушки на востоке теряли это мечтательное чувство и, в своём большинстве, были вынуждены мириться с тем, что им преподносит судьба. Они выходили замуж и стара-

лись полюбить своих мужей. Кому-то с мужьями везло и им это удавалось легко, а кто-то очень много страдал, со временем теряя всяческую радость жизни. Естественно, такая судьба не устраивала нашу молодую девушку и она, будучи намного упорнее всех остальных, твёрдо решила, что не выйдет замуж до тех пор, пока не найдет своего настоящего счастья.

Дни Сахара, были довольно обыденными и проходили в ухаживании за больной сестрой и составлении той приятной компании. Сахара очень любила Сафину, несмотря на то, что они не были настоящими сёстрами. Хотя это никогда никому не бросалось в глаза, ведь девушки были очень похожи. Возможно что, отчасти, именно из-за чувства долга перед Сафиной, Сахара и не спешила покидать отеческий дом.

Так и сейчас, вернувшись в шатёр и обнаружив сестру спящей, Сахара взяла покрывало и накрыла им Сафину, чтобы та не замёрзла. Затем она легла рядом, лицом к своей младшей сестренке и, изучая её подрагивающие во сне ресницы, задумалась о том, что сегодня услышала.

Эта история, рассказанная Бадром, и правда, её затронула. Она не могла уснуть, размышляя о том, существует ли на самом деле этот шатёр? Исполняет ли он желания? Если да, то почему тогда не отпустил вошедших в него людей, если нет, то тогда вообще в чём его цель? Задумавшись об этом, Сахара, невольно, затронула глубокие нити и своих душевных желаний. О многом она мечтала, но самым сильным

и горячим её желанием было вылечить младшую сестренку. Она протянула к сестре ладонь и погладила её волосы, смешно спавшие во сне на её лицо. Из глаз Сахара маленькими капельками начали падать на покрывало слёзы. Она прикрыла глаза руками и, тихонько всхлипнув, отвернулась от сестры, устремив свой взор на полотно их шатра.

Суждено ли когда-нибудь сбыться её заветному желанию? Сможет ли она хоть что-нибудь сделать, чтобы исцелить свою сестру? Сахара не знала ответы на эти вопросы. Она могла лишь гадать и надеяться, что когда-нибудь судьба предложит ей подобный шанс и тогда, она его точно не упустит. Она твердо решила всё разузнать об этом шатре и, если он действительно существует, то она непременно попытается помочь своей сестре исцелиться. С этими мыслями девушка заснула.

Пустынная ночь протекает довольно быстро. Встревоженная разными волнующими снами Сахара проснулась от того, что её толкает в плечо Сафина. Протерев глаза и присев на своем покрывале, Сахара посмотрела на сестру, которая, глядя на неё, проводила двумя пальцами по горлу, от подбородка, к груди.

- Вода есть в кувшине, Сафина, почему ты меня так рано будила? - улыбнулась Сахара и приобняла свою сестру, чтобы та не подумала, что она на неё сердится.

Сафина ещё раз провела пальцами по горлу, а затем обхватила себя руками, будто подрагивая, и снова просящим

взглядом уставилась на сестру.

- Холодную хочешь? – улыбнулась Сахара.

Сафина кивнула, и её лицо тоже осветлилось в лучезарной улыбке. Сафина не могла говорить. С самого детства она не сказала ни слова. Для Наби́ это было большим ударом, осознавать, что девочке предстоит провести всю жизнь в борьбе с этим недугом. Он долго винил себя, говоря, что Сафина получила этот недуг за его грехи, но, со временем, мольбы Сахары о том, чтобы он не корил себя дали результат и Наби́ смог немного успокоиться. К тому же, за столько лет Сахара и Сафина научились прекрасно общаться. Сафина всё понимала и слышала, просто не могла вымолвить ни слова, и Сахаре нужно было только научиться понимать её жесты, что она успешно и делала.

Погладив сестру по голове, Сахара поднялась на ноги и стала приводить себя в порядок, чтобы пойти к колодцу и зачерпнуть для Сафины холодной воды. Она отряхнула свою одежду, поправила волосы и умылась водой, стоявшей в углу шатра. Завершив свой образ, она повернулась к своей сестре и посмотрела на неё вопросительным взглядом:

- Ну, как? – спросила она, сделав полный оборот, чтобы сестра полностью её осмотреть.

Сафина, внимательно изучив Сахару, улыбнулась и показала двумя пальцами на глаза, а затем коснулась ими губ. Этот жест означал то, что она любит то, что видит, иначе говоря, ей нравится.

Подмигнув сестре, Сахара взяла кувшин, чтобы наполнить его водой и вышла из шатра. Стоянка понемногу начала просыпаться. Она шла тихонько, чтобы никого не разбудить. В нескольких метрах от их шатра спал отец, предпочитавший сон под открытым небом, исключение составляли только ветреные дни. Пройдя практически через всю стоянку, Сахара встретила лишь с несколькими слугами, поднявшимися пораньше, чтобы начать подготовку животных. Солнце ещё не вышло из-за горизонта, но небо было уже довольно светлым, было не холодно, дул лишь небольшой ветерок, обдававший Сахару приятной прохладой. Когда она подошла к колодцу, то увидела, что возле него стоит один из караванщиков, сидевших вчера с отцом у костра.

Это был Кирам. Он был довольно отчаянным юношей, любившим рискованные предприятия. У людей в округе и у её отца, Кирам имел весьма сомнительную репутацию неопытного, но горячего юнца, который мог с лёгкостью согласиться на любое пари, если его обвинить в трусости. Он легко мог поссориться с любым человеком, имевшим неосторожность бросить в его сторону какое-либо сомнительное слово. Несмотря на взбалмошный характер, Кирам прослыл, как довольно успешный караванщик для своего возраста и многие предрекали ему большое богатство к сорока-пятидесяти годам, если, конечно, с его любовью к неприятностям, он до них доживёт.

Кирам и Сахара были знакомы друг с другом, ведь, он бы-

вал у них дома и, как и любому другому гостю, Наби представил ему своих дочерей. Зная, что будет невежливо, если она не поприветствует Кира́ма, Саха́ра опустила глаза, и уже хотела, было, открыть рот для того, чтобы что-то сказать, как диалог начал сам юноша.

- Прекрасное утро, не так ли? – он посмотрел на Саха́ру своим пронзительным взглядом и уважительно поклонился. Он был чуть выше среднего роста и имел довольно крепкое телосложение, лицо его было выразительным и острым, взгляд пронзительным, можно даже сказать пугающим. Подбородок и ще́ки были затянуты аккуратно стриженной чёрной бородкой, а волосы, неприкрытые сейчас тюрбаном, спадали чёрными прямыми прядями на его плечи.

- Нет ничего прекраснее, чем утро нового дня, посланное нам по благодати самим Всевышним. – ответила Саха́ра, тоже поклонившись и подходя поближе к колодцу.

Ки́ра́м улыбнулся, он был приятно поражён тем, что Саха́ра абсолютно его не боялась и не смущалась перед ним. Хоть она и старалась не поднимать взгляд, но он чувствовал, что это скорее дань этикету, чем реальное смущение.

- Я согласен с вами, прекрасная Саха́ра. Я вижу, что ваш почтеннейший отец, вложил в вас добрую частицу своей мудрости. – он улыбнулся ещё шире и снова опустил голову в поклоне, на этот раз, выражая уважение, скорее к её отцу, чем к ней.

- Благодарю, вас. – ответила Саха́ра, она взяла деревянное

ведёрко, стоявшее у колодца, зная, что ей не престоало продолжать самой диалог с мужчиной.

Однако Ки́ра́м, поняв, что поставит её в неловкое положение, если также продолжит просто стоять рядом с ней и разговаривать, быстро нашёл выход из положения.

- Вы позволите вам помочь, прекрасная Саха́ра?

- Если вам не трудно. – ответила она, стараясь делать это сухо, но так, чтобы не выглядело равнодушно или грубо.

- О, что вы, это меньшее, что я могу сделать, после того, как вы проявили ко всем нам такое почтение, разлив вино по нашим кубкам. – он бросил ведро в колодец. - Кстати говоря, вино было отменным, таким сладким, что я, на секунду, даже засомневался, что пью именно вино.

- Думаю, что отец будет очень рад услышать ваши похвалы. – Саха́ра думала о том, как ей начать с Ки́ра́мом разговор о шатре, но юноша, по-видимому, желавший продлить их беседу, заговорил о нём сам.

- Жаль, что вы вчера покинули нас, не дослушав прекрасную историю Ба́дра. – сказал Ки́ра́м улыбаясь и поднимая со дна колодца воду.

- Что ж, я думаю, что если отец счел её интересной, то непременно расскажет нам с сестрой её концовку. А вы сочли её интересной? – она впервые посмотрела прямо ему в глаза. Два уверенных взгляда встретились где-то в воздухе и, словно по волшебству, между ними просвистел небольшой ветерок.

- Да... - сказал Ки́ра́м, сам немного смутившись взгляда девушки. – История довольно интересная. Правда, если говорить откровенно, немного мрачноватая.

- А я была уверена, что вас ничем нельзя напугать. – Саха́ра построила своё предложение так, чтобы оно одновременно выглядело и, как комплимент и, как издёвка. Не стоит и говорить, что это сразу привело Ки́ра́ма в замешательство и он не нашёл ничего лучше, чем улыбнуться, поверженный этим словесным ударом.

- Так и есть, прекрасная Саха́ра, я ничего не боюсь. – он достал веде́рko и наполнил кувшин девушки холодной водой.

- Я всегда в это верила. – сказала она с улыбкой, поднимая кувшин. Она специально использовала слово «верила», вместо «знала», чтобы её фраза опять прозвучала и как похвала и как издевка. Я вам очень благодарна за помощь, уважаемый Ки́ра́м и желаю, чтобы с вами всегда пребывала благодать Всевышнего. А теперь, прошу меня простить, моя сестра очень хочет холодной воды.

Она развернулась и зашагала в сторону своего шатра. Ки́ра́м остался у колодца наедине со своим недоумением в глазах, в то время как Саха́ра, ехидно улыбаясь, думала о том, как прекрасно начинается этот день. Она всегда умела общаться с мужчинами, держа их на определённом расстоянии, и всячески подтрунивая каждый раз, когда они пытались оказать ей знаки внимания. Обычно, ей это всегда поднимало настроение, но сегодня её ехидная улыбка быстро со-

шла на нет, когда она вспомнила о своих вчерашних мыслях.

В голове снова пронёсся рассказ о шатре. Загадочность этой истории заставляла сердце Сахáры биться чаще, она чувствовала, что-то необычное, что-то такое, что сама не могла для себя описать. Она настолько погрузилась в себя, что не заметила, как дошла до шатра, в котором её уже ждала Сафíна.

- Вот. – Сахáра протянула сестре кувшин с холодной водой. – Надеюсь, что ты довольна. Из-за тебя мне пришлось встретиться у колодца с Киráмом.

Сделав несколько глотков из кувшина, Сафíна, вдруг, остановилась и внимательно посмотрела на Сахáру. Она сильно сдвинула брови и покрутила ладонью вправо-влево.

- Да нет, Сафíна, конечно, это не плохо, но ты же знаешь, как я ко всему этому отношусь. – она улыбнулась и легла на покрывало.

Сафíна, отложив кувшин, всё ещё продолжала смотреть на сестру возмущённым взглядом. Как она не старалась показать недовольство, но её детские невинные глаза, могли изобразить лишь смешную имитацию этого чувства. Сафíна показала указательным и средним пальцами на Сахáру, а затем приложила их ко лбу, всё ещё пытаясь выглядеть недовольной.

- Это я глупая? – Сахáра вскочила и, бросившись на сестру, принялась её щекотать. – Сейчас я научу тебя, как называть меня глупой! Не хватало мне ещё, чтобы ты меня учила

общаться с мужчинами!

Сафина беспомощно валялась на покрывале, улыбаясь от щекотки, но, по-прежнему, не способная издать ни звука. Наконец, она постучала Сахаре по плечу, давая знак, что пора бы уже остановиться. Старшая сестра, успокоилась и, поднявшись с покрывала с умилением посмотрела на Сафину. Её растрепанные прямые волосы прикрывали искрящиеся любовью к старшей сестре глаза, а забавная улыбка говорила о том, насколько спокойно Сафина чувствует себя в присутствии Сахары.

- Рассказать тебе, как я его приложила у колодца? – спросила Сахара, начиная понемногу собирать вещи.

Сафина покачала головой, а затем указательным и средним пальцами показала себе за спину, через правое плечо, после чего этими же пальцами, указала в направлении, в котором был главный костер стоянки, за которым сидели караванщики.

- Хочешь, чтоб я рассказала то, что было вчера у костра? – спросила Сахара, подняв брови, делая вид, что не до конца понимает свою сестру.

Сафина согласно закивала и, поднявшись с покрывала, вслед за сестрой, принялась собирать вещи. Сахара рассказала Сафине всё, что услышала вчера от Бадра, не упустив ни одной маленькой детали. Она всем делилась с сестрой. Это безграничное доверие, которое между ними было, формировалось годами, и разрушить его было невозможно. Сафина

верила всему, что говорила Сахара, а она, в свою очередь, знала, что может что угодно рассказать сестре и та поймет её и не осудит.

Когда история была окончена, вещи были уже собраны. Сафина, с интересом слушавшая весь рассказ своей сестры, немного призадумалась, точно так же, как и сама Сахара вчера перед сном. Ведь у каждого человека есть свои желания и он, невольно, задумывается о том, какой была бы его жизнь, если бы они все исполнились. Заметив эти мысли во взгляде Сафины, сестра, потянула её из шатра, чтобы позавтракать перед предстоявшим путешествием к дому.

Солнце уже немного поднялось из-за барханов, и стоянка кипела жизнью. Погонщики готовили верблюдов, туда-сюда шныряли слуги с водой, все шумели и торопились. Нужно было вовремя выступить, чтобы хоть небольшой участок пути пройти при комфортной температуре, прежде чем пустыня снова раскалится и начнёт очередной бой в своей бесконечной войне с караванщиками. Сёстры увидели, что постель их отца была уже собрана, и возле неё на песке было разложено покрывало с водой, хлебом, небольшими кусочками заранее заготовленного мяса. Также на столе стояли горячо любимые Сафиной египетские финики. Увидев их, младшая сестра бросилась к полотну, но Сахара вовремя её удержала.

- Отца пока нет, дождемся его, посмотри пока, какое красивое сегодня небо. – Сахара указательным пальцем подняла

подбородок своей сестры и та устремила свой взгляд в высоту.

Небо в то утро, вправду, было прекрасным. Переливаясь с бело-багряных оттенков на востоке до тёмно-синих оттенков на западе, оно было буквально испещрено высокими тонкими облаками, которые плыли по нему, будто перья чудесной божественной птицы, пролетевшей ночью прямо над их стоянкой. Звёзды уже окончательно потухли, но месяц, отдававший синегато-молочным оттенком, всё ещё виднелся. Сафина указала на него двумя пальцами, а потом поднесла их к своим губам.

- Да, я тоже люблю луну, прошептала Сахара. – она всегда любила лунный свет, наверное потому, что её комната в их доме выходила окном на огромную пустынную равнину и каждую ночь Сахара садилась у этого окна, чтобы видеть как прекрасная и свободная луна освещает остывший ночной песок своим ласковым светом. В эти моменты она мечтала о том, какой будет её жизнь, как она будет счастлива и свободна, словно её небесная подруга. Казалось, что эти времена прошли так давно, ещё, когда она была ровесницей Сафины, но равнодушно смотреть на луну она не могла до сих пор.

- Доброе утро, дочери мои. – почтенный Наби вернул своих дочерей с мечтательных небес на землю. – Вы не сиделись есть без меня? Мне очень приятно. Как вам спалось?

- Всё хорошо отец. – ответила с улыбкой Сахара, приса-

живаясь рядом с покрывалом, на котором был разложен завтрак. – Мы с Сафиной быстро заснули, даже не слышали, как ты вернулся. Вы, наверное, долго сидели у костра? Ты успел отдохнуть?

- Да, Бадр попотчевал нас очень интересной историей, жаль, что тебе пришлось уйти и не дослушать её до конца, доченька, думаю, что тебе было бы интересно. Ты ведь любишь всякие небылицы. – Наби улыбнулся и, разломил хлеб на несколько кусочков, протягивая сначала старшей, а затем младшей из своих дочерей.

- Я хотела вчера остаться, чтобы дослушать, но решила, что будет непочтительно мне одной сидеть в присутствии стольких мужчин, даже рядом с тобой, отец, поэтому и решила уйти. – Сахара покорно поклонилась, пряча хитрые глаза, уже наизусть знавшие историю, рассказанную вчера у костра.

- Очень мудро, дочь моя, очень мудро. Я рад, что ты переживаешь о своем благочестии. Наверное, тебе уже пришло время выйти замуж. – Наби разливал воду по кубкам. Хотя было принято, чтобы женщины выполняли эту работу, но мудрый Наби-абá всегда делал в этом для своих дочерей исключение, показывая им тем самым, насколько они для него важны.

- Прошу тебя, отец, давай не будем портить столь прекрасное утро, столь страшными речами. – Сахара откусила данный отцом кусочек хлеба и запила его водой.

Сафина, улыбнувшись, посмотрела на сестру. Конечно,

она очень переживала за то, чтобы Сахара удачно вышла замуж, ведь глубоко в душе она понимала, что сестра затягивает с браком во многом из-за неё, но не улыбнуться подобной шутке она просто не могла.

- Не надо потакать ей, Сафина. – сказал чуть строгим голосом караванщик. – Замужество – это не шутка. Брак – это великий дар, который Всевышний послал нам, дабы мы не были одиноки на этой земле. Это священное таинство, поэтому нельзя относиться к нему легкомысленно.

Девушки виновато замолчали. Сафина показала двумя пальцами на губы, жест, означавший «говори», «скажи», затем ими же она показала назад через правое плечо, что означало «вчера», а в конце указала на костёр в центре стоянки.

- Она просит, чтобы ты рассказал вчерашнюю историю, отец. – сказала Сахара, взглянув в улыбающееся лицо сестры. Хорошо, что та попросила отца это сделать, прежде чем Сахара ляпнула что-нибудь такое, о чём она, как думает Наби́, не могла и знать.

- Ну что ж, раз вы просите. – караванщик улыбнулся и принялся рассказывать дочерям историю, которую они и так уже знали, но, всё равно, с упоением слушали, так искренне удивляясь повествованию своего отца, что любой смотревший на это со стороны человек мог бы поклясться, что эти девушки слышат эту историю в первый раз.

На самом деле, Сахаре очень нужно было услышать эту историю именно от отца, потому как её изнутри мучили

противоречия, и она знала, что лучшего советчика, чем её отец, невозможно найти на всём востоке. Дослушав до конца, немного погодя, чтобы вопрос не показался отцу уж слишком быстро придуманным, Сахара, всё же, решилась заговорить.

- Отец, скажи, а ты бы вошёл в этот шатёр? – спросила она, устремив свой карий пронзительный взгляд прямо в глаза отцу.

- Ну, это тяжелый вопрос, Сахара. – сказал Наби с явной иронией. – Я ничего не знаю об этом шатре, кроме того, что люди, вошедшие в него, куда-то исчезли, поэтому я склонен ответить «нет».

- А если бы он, действительно, мог бы исполнять желания, то ты вошёл бы? – Сахара не отступала, жажда получить ответ на свой вопрос заставляла её действовать неосторожно.

- Почему тебя это так интересует, дочь моя? – насторожился мудрый Наби, протягивая Сахаре финик, который она сразу, машинально, передала младшей сестре, обожавшей их больше всего на свете.

- Просто я сейчас подумала... Допустим, что шатёр исполняет желания, но плата за это желание – твоя жизнь. Может, поэтому люди исчезали? Я просто думаю, есть ли у людей такие желания, ради которых можно было бы отдать жизнь?

- Послушай, что я тебе скажу, дочь моя, на свете есть лишь три вещи, ради которых стоило бы пожертвовать своей жизнью. Первая – самая главная – это семья. Погибнуть, защи-

щая свою семью это благородно, как для мужчины, так и для женщины – хранительницы домашнего очага. Вторая вещь – это вера – она есть путь и избавление от вечных страданий, сохраняя веру, даже перед лицом смерти мы приближаемся к Всевышнему. Третья, наименее важная, но, всё же, очень ценная вещь – это свобода. Ради свободы люди часто готовы рискнуть своей жизнью, ведь без свободы им кажется, что этой жизни у них нет вовсе.

- Благодарю тебя за мудрые слова, отец. – Сахара слегка поклонилась своему отцу, Сафина сделала то же самое.

- Напоследок скажу вам лишь одно, дочери мои, меня не будет всегда рядом, чтобы защитить и сохранить вас, и я не смогу оградить вас от принятых вами решений. Поэтому, если когда-нибудь, не приведи Всевышний такой беды на наш дом, у вас встанет выбор между жизнью и смертью, думайте очень тщательно, так как жизнь дается только одна, и если у вас был другой выход из ситуации, на том свете с вас строго спросят за бездумно утерянную жизнь. Но это лишь моё чрезмерно настороженное отеческое наставление, отгоните от себя плохие мысли и постарайтесь об этом не думать. А теперь пора в путь.

Они поднялись на ноги и стали собираться. Вскоре, караван мудрого Наби уже был на пути в родной город. Сахара и Сафина ехали молча. Пару раз Сафина попыталась как-то привлечь внимание занятой мыслями сестры, но Сахара лишь сухо отвечала, не в силах оторваться от своих глубин-

ных размышлений.

Караван шёл медленно, и у девушки было достаточно времени, для того, чтобы ещё раз подумать над услышанной историей, а так же над словами отца. Она спрашивала себя, смогла бы она, если бы это понадобилось, войти в этот таинственный шатёр и отдать свою жизнь ради исполнения одного лишь желания. В какие-то моменты ей казалось, что да. Она будто набиралась смелости, делала глубокий вдох и, храбрясь, представляла, как отдергивает подол шатра и без страха входит внутрь. Но потом она представляла, окутывающую её тьму чёрной ткани и таинственный низкий голос, спрашивавший хорошо ли она подумала над своим желанием, и её тело покрывалось мурашками, она дрожала, даже, несмотря на невыносимую жару раскаленной пустыни.

Она вновь и вновь прокручивала в голове эти мысли. Думая о том, что могла бы пожелать и, как именно это сделать? Почему над желанием нужно хорошо подумать? И можно ли два желания сформулировать в одно? Всё это очень увлекло Сахару, и она совсем не заметила, как один из, обычно тяжёлых для неё дней путешествия по пустыне, подошёл к концу. Вдали на горизонте показались дома родного города. Только этот пейзаж смог как-то привести Сахару в чувство.

Они с отцом жили в небольшом городке возле оазиса, который вырос в пустыне, благодаря небольшому ручейку, бравшему начало в горах неподалёку. Только из-за него город ещё как-то развивался. Старый Наби́, будучи довольно

успешным караванщиком, мог бы позволить себе переехать в один из крупных городов на севере близ моря, или даже в сам Триполи, если бы захотел, но в этом городке он родился, здесь же умерли его родители и обе жены, поэтому он никак не мог оставить это место. К тому же, из-за оазиса, этот город был популярен у торговцев, отправлявшихся дальше на восток в Египет и Сирию, потому медленно, но верно, омываемый горным ручейком и деньгами этих путешественников он, понемногу, рос.

Дом Наби́ стоял прямо на окраине города. Это было большое двухэтажное здание, сделанное из белого песчаника. Двор самого дома был очень большим и на две трети был закрыт огромным белым полотном, которое караванщик заказал в Каире через своих друзей. Само хозяйство Наби́ было очень крупным и ему принадлежали солидные территории около дома. Там было множество разных построек для разведения и ухода за животными, а так же широкий и глубокий колодец, за стоянку возле которого Наби́ брал хорошую плату.

Когда караван подошёл к дому, то хозяина уже встречали все, высыпавшие во двор слуги. Сахара и Сафина сошли с верблюдов при помощи отца и, из-за поднемевших ног, немного неуверенно зашагали в сторону входа. Им навстречу выбежала довольно взрослая женщина, немного полноватая, одетая в цветные пёстрые одежды, лицо её было добродушным, а на глазах были слезы, голова была покрыта таким же,

как и всё остальное одеяние, цветным платком, а на ушах висели огромные но дешёвые серьги.

- Сахара! Сафина! Хвала Всевышнему, вы, наконец, добрались домой! – женщина бросилась обнимать и целовать девушек, даже не утирая катящиеся из её глаз слезы.

- Спасибо, Лазиза, мы тоже рады тебя видеть. – Сахара обняла женщину и аккуратно утерла её глаза. – Надеюсь, что ты не нашла мне мужа, пока меня не было?

- Нашла, как не нашла?! Столько мужей нашла, что в доме места не было, пришлось всех выгнать перед вашим приходом, чтоб вы могли спокойно отдохнуть. – женщина улыбнулась и приобняла обеих сестёр.

- Всё в доме было в порядке, пока меня не было? – спросил Наби, переступая порог своего двора.

- Да, господин Наби, всё в порядке, слава Всевышнему, ничего плохого не случилось. В доме всё чисто и готово к вашему отдыху. – она почтительно поклонилась, так и не выпустив из рук ни одну из сестёр.

- Что ж, добро, позови, пожалуйста, Акмаля, хочу знать, как дела в хозяйстве идут. А девочек отведи, пусть отдохнут и хорошенько умоются перед ужином.

- Слушаюсь, господин. – Лазиза и девочки поклонились караванщику и вошли в дом, оставив хозяина во дворе под тенью полотна.

Дом старого Наби, пусть и не был размером с дворец, но внутри выглядел, как что-то на него очень похожее. По-

всюду были шёлковые ткани, везде стояла красивая плетённая мебель с дорогими атласными подушками, украшенными богатыми золотыми кисточками. На стенах и на полу были ковры, в комнатах пахло благовониями, и было приятно прохладно. На потолке красовалась узорчатая лепнина, которую за солидные деньги, сделал один скульптор из Дамаска, направлявшийся с караваном Наби́ домой из Триполи. Под коврами пол был покрыт изумительной красоты черно-белой глазурированной нильской керамикой. Дом дышал чистотой и роскошью. Наби́ справедливо гордился им, ведь на его приведение в такой вид у него ушло немало лет.

Лазі́за, не выпускавшая сестёр из рук, добродушно улыбалась, глядя на их лица. Эта женщина заменяла девочкам мать. И, если Саха́ра ещё помнила другую женщину, когда-то занимавшуюся её воспитанием, то Сафи́на вообще не знала никого другого, кроме Лазі́зы. Она была очень доброй, но, в то же время, довольно строгой женщиной, разделявшей все волнения сестёр, и прививавшей им хорошие манеры. Она заботилась о них с самого первого дня, как появилась в доме Наби́, и любила их, словно родных.

- Как прошло ваше путешествие, девочки? Вы ведь мне всё расскажете? – спросила она наивным голосом, продолжая сжимать сестёр мёртвой хваткой своей неподдельной к ним любви.

- Да, конечно, дорогая Лазі́за, если ты нас отпустишь, а то мне уже нечем дышать. – сказала Саха́ра, а Сафи́на, улы-

баясь, согласно закивала.

- Хорошо-хорошо... - ответила Лазíза, немного изобразив наигранную обиду, но быстро сдавшись. – Ну, расскажите мне, вам понравилось в Триполи?

- Это, конечно, прекрасный город, Лазíза, но добродушие родного дома ничем не заменить. – Сахáра присела на плетённое кресло и, поправив свои волосы, откинула голову назад.

- А тебе понравилось, Сафíна? – женщина внимательно смотрела на младшую из сестёр, чтобы не упустить ни единого её движения.

Сафíна кивала и довольно улыбалась. Она показала рукой волны, а затем приложила руку к губам.

- Тебе понравилось море? – уточнила Лазíза.

Сафíна согласно закивала.

- Ей очень понравилось море. Она всю дорогу домой мне о нём говорила. Уже хотела сбежать с ней обратно к этому морю, чтобы ей полегчало. – Сахáра улыбнулась и прикрыла глаза, она была довольно уставшей, а прохлада дома располагала к тому, чтобы забыться расслабляющим сном.

- Я один раз видела море, оно такое красивое... До сих пор я люблю его вспоминать. Я тогда была ещё маленькой, но помню всё очень четко, ах, как бы я хотела отправиться с вами на море... Вы там искупались?

- Да, мы с Сафиной нашли хорошее безлюдное место неподалёку от стоянки отца. Это было прекрасно, хотя я вообще не могла успокоить эту дурёху, она всё время резвилась

и брызгалась. Ну кто так купается?

Сафина гордо подняла подбородок, а затем медленно приложила руку к сердцу, что на её языке означало: «я». Затем она указала двумя пальцами на сестру и изобразила весьма внушительное звание.

- Сахара, Сафина жалуется, что ты была скучной на море. – улыбнувшись сказала Лазиза, подёргивая старшую из сестёр, которая сидела откинувшись в кресле с закрытыми глазами.

- На что мне это море, моя дорогая Лазиза... - произнесла Сахара, не открывая глаза.

- Ооо, милая моя, да тебе, никак, замуж пора... - ответила женщина.

- Вздор! – Сахара моментально пришла в чувство и поднялась с кресла. – Делать мне нечего, о муже думать, когда же он там из пустыни вернётся? У меня есть и поважнее дела. Если вы тут будете дальше сидеть и болтать о Триполи, то я пойду, приведу себя в порядок к ужину.

- Мы с Сафиной ещё немного об этом поболтаем, дорогая, не нужно злиться. Твоя ванна готова, я развела огонь ещё час назад, поэтому теперь вода должна быть очень теплой и приятной. Только не засыпай там, а то спишь на ходу.

- Спасибо, Лазиза. – Сахара улыбнулась и приобняла женщину. – Мы тебе купили подарки на базарах Триполи, если ты уговоришь Сафину, то она найдёт их в наших вещах.

- Да вы что! Правда что ли?! Сафина, душа моя! Бежим за

вещами! – они встали с кресел и пошли на улицу, где слуги разгружали вещи.

Сахара, улыбнувшись, направилась в свою комнату. Она была в дальнем краю дома и занимала сразу два этажа, соединенных её личной лестницей. На первом этаже была её ванна и гардеробная, где она могла умываться и приводить себя в порядок, а на втором этаже была её спальня. У Сафины была точно такая же комната, на противоположной стороне дома. Мудрый Наби всё делал для того, чтобы его дочери жили в комфорте.

Войдя в свою комнату, Сахара заперла за собой дверь. В просвете небольших окон, расположенных чуть выше обычного, чтобы никому не было видно, что происходит в комнате, перед Сахарой предстало закатное небо. Она знала, что времени не так много, а отец не терпит опозданий к столу. Девушка скинула с себя запыленную пустынную одежду и сложила на стуле, чтобы затем слуги забрали и привели её в порядок. Небольшая ванна, которую Наби сделал из печного кирпича и слоя черной огнеупорной керамики, была наполовину заполнена чистой водой. Коснувшись её пальцами, Сахара почувствовала приятное тепло, контрастировавшее с прохладным воздухом дома.

Через секунду она уже нежилась в ванной. Её тело отдыхало после изнурительного путешествия по пустыне. Она была расслаблена и даже мысли о злополучном шатре оставили её на то время, пока она была под этой тёплой водой. Немно-

го повалевшись, она принялась мыться, и, вскоре, её омовение было окончено. Выбравшись из воды, Сахара стала обтираться красивым белым полотенцем.

Её кожа была бронзовой от солнца, но бархатной и нежной, словно гладь поверхности озера, никогда не ощущавшая на своих водах волнение ветра. Она была очень чистой и нетронутой, но её навряд ли можно было назвать невинной. Её ум и хитрость заставляли подозревать в ней некую толику коварства, которое в сочетании с прекрасной внешностью вызывало восхищение и трепет. Сахара была воплощением самой пустыни, словно её имя. Она могла быть спокойной и безветренной, а могла быть буйной и непримиримой.

Выбрав себе наряд, Сахара поднялась на второй этаж комнаты – к себе в спальню и принялась одеваться к ужину, опять погружившись в те мысли, которые покинули её, пока она принимала ванну. На душе снова стало немного тревожно и тоскливо. Ей казалось, будто она что-то забыла сделать, будто она чем-то кому-то обязана. Какое-то неотвратимое чувство долга окутало юную девушку, заставляя её вздыхать и смотреть в окно на освещённую последними лучами солнца пустыню. Она присела у окна и обратила свой взгляд к небу, где её уже ждала старая подруга луна.

- Ну вот, мы снова встретились на старом месте... - прошептала Сахара, вглядываясь в очертания небесного диска, который становился всё ярче в темнеющем небе пустыни. Возможно девушка окончательно погрузилась бы в свои

мысли, если бы неожиданно не раздался стук в дверь.

- Сахара! Сахара! – у её двери на втором этаже послышался уверенный стук Лазизы. – Ты здесь? Ты готова?

- Да, сейчас открою. – она подошла к двери и, повернув замок, открыла. Лазиза стояла чем-то чрезвычайно взволнованная. Служанка быстро оценила взглядом девушку. Сахара была одета в простое свободное цветное платье, подпоясанное на талии кожаным ремешком. Она любила надевать его дома, ведь оно было очень простым и не мешало ей заниматься домашними делами.

- Это не пойдёт... - сказала Лазиза, продолжая сверлить девушку оценивающим взглядом.

- Почему? Что случилось? – удивлённо спросила Сахара, невольно опустившая взгляд, чтобы оценить платье и понять, что же так не устроило дотошную служанку.

- Твой отец пригласил на ужин ещё кое-кого... - сказала Лазиза, многозначительно подняв брови.

- Мне то, что за дело? – язвительно бросила Сахара и, отвернувшись от служанки, снова подошла к окну и присела рядом. Она понимала, что сейчас будет происходить. Для неё это был не секрет. Видимо, её отец пригласил в дом очередного претендента на руку Сахары, которого Лазиза строго отобрала среди множества местных юношей.

- А то тебе за дело, Сахара, что этот юноша может стать твоим супругом, если ты произведёшь на него правильное впечатление. – Лазиза вошла в комнату и заперла за собой

дверь. – Давай же, девочка, переоденься. Надень то красивое синее платье, которое отец привез тебе из Марокко.

- Лазйза, я что-то расхотела есть... - сухо ответила Сахара, уставившись на луну, даже не считая нужным повернуться к служанке лицом.

- Твой отец сильно рассердится, моя дорогая, если ты не спустишься к ужину. Ты же знаешь, что он хочет для тебя только самого хорошего... Если ты не спустишься, это будет неуважением не только к тому юноше, но и к твоему отцу, который свою жизнь положил, чтобы сделать тебя счастливой.

- Не могу я видеть всех этих юношей, Лазйза... Устала я от них. Каждый раз, когда опускается солнце и приходит время ужина, я гадаю, не нужно ли мне будет сегодня, в очередной раз, отбиваться от новых попыток отца выдать меня замуж за какого-нибудь отчаянного юнца бедуина, у которого вместо мыслей песок в голове. Я не хочу так встретить своего мужа, Лазйза... - казалось, что на глазах Сахары проступили слёзы. – Мне не нужно, чтобы вы продолжали меня сватать и звать в гости мальчишек, которые даже не понимают зачем им брак.

- Не грусти, девочка моя. Всевышний всем, кто в него верит, посылает путь, ведущий их во благо. Может, для тебя этот путь состоит именно в этом? К тому же, если тебя это утешит, то господин Наби не звал этого юношу, он сам пришёл, принеся в подарок какое-то вино.

- Вино? – теперь Сахара повернулась к служанке. – Ты ска-

зала вино?

- Да, он так его хвалил... По мне так он немного болтлив для мужчины, но... - она не успела закончить предложение, как Сахара её перебила.

- Лазиза, только не говори мне, что с нами будет ужинать Кирам...

- Да, Сахара, ну и что? Он славный юноша, к тому же сам пришёл к нам в дом, да ещё и с таким подарком для твоего отца.

- О, Всевышний, спаси меня! – взмолилась девушка и прикрыла лицо руками. – Лазиза, зачем он пришёл?

- Откуда же мне знать? служанка возмущённо вскинула руки. – Говорил о вине своём всё время, ещё что-то про какой-то шатёр. Но я-то знаю, что он пришёл к тебе, душа моя. Парень молодой, симпатичный, поэтому не понимаю, чего ты упираешься?

- Мы с ним утром перекинулись парой фраз на нашей последней стоянке, и, видимо, он решил, что это означало, что я хочу за него замуж. – Сахара поднялась на ноги, и принялась растерянно расхаживать по комнате.

- Парой фраз перекинулись, значит? – Лазиза улыбнулась и подняла брови.

- Да, у колодца. Не могла же я не поздороваться!? Это все Сафина со своей холодной водой. – Сахара продолжала расхаживать по комнате, но уже, скорее, озлобленно. – Ухх, ну я ей задам с её холодной водой!

- Так, всё. – отрезала служанка и схватила Сахару за плечи, прервав её истерические метания по второму этажу своей комнаты. – Ты переоденешься и пойдешь за стол! Из уважения к отцу! Никто тебя насильно замуж не выдаст. Хотя пора бы... Ладно, давай я помогу тебе переодеться.

Поняв, что служанка права, Сахара смирилась с неизбежным и переделалась в своё шёлковое синее платье, которое отец привез ей из Марокко. На ногах у неё были сирийские сандалии с причудливой застёжкой, а на шее красовалось очень нежное ожерелье из белых ракушек. Сахара никогда не носила серьги, пообещав себе, что станет носить их, только, когда выйдет замуж.

Переодевшись, она спустилась вниз в столовую, где все уже были за столом и начали трапезу. Её место всегда было по левую руку от отца. Оно было свободно. Напротив этого места всегда сидели гости старого Наби, поэтому там сейчас, улыбаясь во все свои тридцать два белоснежных зуба, сидел Кира́м. Когда Сахара подошла к столу, он встал и поклоном головы поприветствовал её. Взглянув на отца, она ответила ему и села на своё место.

- Прошу прощения, что опоздала, отец. – Сахара посмотрела на отца взглядом, который понимали только он и Сафина. Этот полный отчаяния взгляд означал, что Сахаре неприятно сейчас здесь находиться и она не хочет, чтобы отец как-то устраивал её брак с этим ухмыляющимся караванщиком. Конечно, это был лишь приблизительный пере-

вод её взгляда, но мудрый Наби понимал такие вещи моментально.

- Ничего, дочь моя, ешь спокойно, я не сержусь. – он положил свою руку на руку Сахары, ответив на её взгляд понимающей улыбкой.

- Наби-абá, вы позволите мне сказать? – неожиданно произнес Кира́м.

- Конечно, дорогой гость, до тех пор, пока вы сначала думаете над словами, а потом их говорите, в моём доме вы можете говорить свободно. – Наби пристально посмотрел на юношу, желая разведать, о чём же думает этот сумасбродный караванщик.

- Наби-абá, с вашего позволения, я хотел бы сделать вашим дочерям небольшие подарки, в знак моего почтения вам и вашей семье. – Кира́м улыбнулся и снова сделал лёгкий поклон.

- Что ж, я не вижу причин отказывать, если это ваше искреннее желание. – Наби кивнул головой, и посмотрел на своих взволнованных дочерей. Саха́ра была взволнованна тем, что Кира́м может решить, что у неё к нему есть какие-то чувства, которых не было и в помине. А Сафи́на была взволнованна тем, что ей сделают подарок и думала только о том, что же такого интересного принёс с собой этот юноша.

Кира́м дал знак подойти своему слуге, державшему в руках шкатулку из слоновой кости. Открыв шкатулку, караванщик достал из неё две небольшие заколки для волос, сделан-

ные, по всей видимости, из серебра. Поклонившись хозяйну дома и, удостоверившись в его благословении, он протянул заколки девушкам. Сахара нехотя протянула руку в ответ, стараясь ни в коем случае не касаться этого заносчивого болтливового караванщика. Сафина же весело выхватила новый подарок и принялась пристально его рассматривать.

- Благодарю вас, это очень щедро. – сказала, поклонившись, Сахара и, ущипнула под столом Сафину, чтобы та тоже не забыла о благодарности. Опомнившись, Сафина изысканно поклонилась.

- Надеюсь, что этот подарок окажется для вас полезным. – сказал Кирам, внезапно переменившись в лице, став каким-то более сдержанным и серьёзным. – Простите, я совершенно не разбираюсь в том, что можно подарить таким прекрасным девушкам, поэтому надеюсь, что этим жестом я себя не опозорил.

- Что вы, это прекрасный подарок. – ответила Сахара, стараясь не обидеть гостя, явно заметившего её неловкое волнение. – Сафина, тебе ведь понравилось?

Сафина показала на глаза, а затем широко улыбнулась.

- Что это значит? – поинтересовался Кирам.

- Она говорит, «красиво». Ей нравится. – перевела Сахара сестру. – Мы, правда, вам очень благодарны.

- Мне очень приятно, что я смог вам угодить.

- Что ж, от себя тоже выражу тебе признательность, дорогой Кирам. – Наби положил руку на плечо молодому кара-

ванщику. – Честно говоря, я был немного удивлён твоим визитом, мой юный друг, не знал, что вы решили идти через этот город.

- Я сам не знал, мудрейший. – ответил Ки́ра́м, теперь совершенно не обращая внимания на девушек. – Дело в том, что вчерашние новости о товарах с севера в Триполи, толкнули меня на некоторые размышления и я решил разделить караван.

- Разделить караван? – удивился Наби́. – Довольно необычное решение. Ты хочешь вернуться в Триполи за новыми товарами с севера?

- Да, именно так, Наби́-аба́. Я думаю, что нельзя упускать такую возможность. Вы сами знаете, что слухи расходятся очень быстро и, когда все поймут, что приобретение этих товаров очень выгодно, то будет уже поздно, и я не сумею на них заработать, поэтому я решил немного поспешить.

Саха́ра начала есть, пока её отец и Ки́ра́м обсуждали свои дела. Она не любила торговлю, и сами разговоры о ней навевали на неё скуку. Украдкой поглядывая на лежащую на столе заставку, Саха́ра немного успокоилась, заметив, что Ки́ра́м совершенно не обращает на неё внимание. Она решила, что все её опасения были беспочвенными и юноша скорее всего, зашёл в гости за советом от её отца, нежели за тем, чтобы оказать ей какое-то внимание. Разочарованные нотки во взгляде Лази́зы только подтверждали её теорию и, вскоре, девушка совершенно успокоилась и погрузилась в себя.

до тех пор, пока её внимание не привлекло нечто очень интересное.

- Эту историю о шатре уже все знают. – сказал Кира́м, и Саха́ра тут же подняла на него взгляд. – Я говорил с торговцами, которых мы встретили на пути сюда, и, представляете, они её знали, к тому же я мельком услышал эту историю и на стоянке у вашего колодца, почтенный Наби́-аба́.

- Ты серьёзно, мой юный друг? – пожилой караванщик удивился, обычно он первый узнавал все новости в этой округе, видимо его долгое отсутствие, всё-таки сказалось, к тому же он уже не так молод и деятелен, как раньше. Глядя на энтузиазм Кира́ма, Наби́ невольно вспоминал свои молодые годы. Хотя даже тогда, когда он был более юн и смел, он никогда не решился бы разделять свой караван.

- Разве я посмею лгать вам, мудрейший? Я слышал собственными ушами, даже что-то о том, что у кого-то сбылось желание. Я очень хотел остаться и полюбопытствовать, но торопился к вам, так как не люблю опаздывать.

- Хорошее качество, для караванщика. – Наби́ улыбнулся. – Сейчас позовем Акма́ля, он мой помощник, управляет делами, пока меня нет, если и есть какие-нибудь новости, то он точно будет о них знать.

Акмаль подошел к столу, спустя несколько минут после того, как за ним послали слугу. Саха́ра с нетерпением ждала продолжения этой истории. Все её былые мысли, которые сегодня так назойливо крутились в голове, казалось, разбуше-

вались с ещё большей силой, не давая ей спокойно усидеть на месте. Она ёрзала на стуле и прикусывала губу. Никогда время для неё не тянулось так долго. Сафина заметила беспокойство сестры и бросила на неё вопросительный взгляд, но Сахара ей ничего не ответила. Она могла сейчас думать только об одном: «Неужели шатер действительно исполняет желания?».

Акмаль уже много лет работал с Наби и пользовался его безграничным доверием. Естественно Сахара понимала, что он не станет проверять сказанные кем-то слова и в точности передаст господину то, что услышал. Акмаль был низкорослым и довольно полным мужчиной. Его практически лысая голова имела лишь небольшую окантовку из седых волос, начинавшуюся на висках и тянущуюся вдоль затылка. Пусть этот мужчина был низок, не имел хорошей фигуры, но силу его характера в этих краях знал каждый. Ссориться с Акмалем было себе дороже, только старый Наби позволял себе такую роскошь. Именно это качество, а также безупречная верность своему делу и порядочность, помогли этому мужчине стать главным в хозяйстве мудрого Наби.

Когда он вошёл, то Сахара и Сафина привстали, чтобы его поприветствовать, но он поспешил усадить их на место. Дело в том, что несмотря на свой довольно суровый характер Акмаль питал отеческую слабость к дочерям Наби. Очень редко было такое, чтобы он мог на них прикрикнуть или как-то наказать, для таких дел в доме была Лазиза. Так и сейчас

он им тепло улыбнулся, но, когда его взгляд перешел с них на молодого Кира́ма, то лицо его мгновенно изменилось, став более похожим на камень.

- Вы звали меня, господин Наби́. – спросил он отрывисто, словно солдат у командира.

- Да. – ответил резко Наби, подыгрывая суровой манере своего помощника и улыбаясь. – Дело в том, мой дорогой Акма́ль, что юный Кира́м говорит, мол слышал от постояльцев на нашей стоянке историю о шатре, исполняющем желания. Ты не в курсе таких разговоров?

- В курсе, слышал такие слова. – ответил Акма́ль, заметив, что Саха́ра пристально на него смотрит.

- Что же говорят наши почтенные гости? – спросил старый караванщик.

- Эта история гуляет среди нашей стоянки уже пару тройку дней, почтенный господин. Ходят толки, мол в пустыне, где-то близь Триполи, есть чёрный шатёр.

- Это мы знаем, мой дорогой друг. – прервал его Наби. – Расскажи о том, исполнилось ли у кого-то какое-нибудь желание? Что ты об этом знаешь?

- Так вот я и говорю, мой мудрый господин. Пару дней назад, у нас гостевали сирийские торговцы, которые отправлялись дальше на восток из Триполи. Они остановились в нашем городе, чтобы пополнить свои запасы. Так вот эти самые торговцы и рассказали мне эту историю. Мол есть шатёр, да старик при нём. Кто в шатёр войдёт, тот из шатра не выхо-

дит, а старик, мол рассказывает, будто шатёр исполняет желания. Они рассказали мне, что несколько их людей вошли в этот шатёр, а потом так и не вышли. Они уже сочли все это проделками сил шайтана и хотели даже уничтожить шатёр, когда вдруг поднялась песчаная буря.

- Странное совпадение... - сказал Ки́ра́м, глядя на старого Наби, не замечая того, как Акма́ль смотрит на него разгневанным взглядом, раздражённый тем, что его рассказ прервал какой-то мальчишка. Саха́ра снова подумала о том, что Ки́ра́м совершенно не умеет сдерживаться, хотя с его суждением о странном совпадении она была согласна.

Наби, заметив разгневанный взгляд Акма́ля, поспешил его успокоить.

- Продолжай, мой дорогой друг, что же ещё тебе рассказали эти торговцы? – спросил Наби, поглаживая в раздумьях свою бороду.

- Сказали, что одним из вошедших в шатёр был мужчина, имевший больного сына. Говорят, что после того, как буря песчаная прошла его сын чудесным образом исцелился. Они разошлись во мнениях о случившемся. Одни решили, что Всевышний послал ему избавление из-за того, что отец его погиб в руках шайтана, другие же, и вправду поверили, что шатёр может исполнять желания. Ведь, что ещё мог пожелать в шатре мужчина, как не избавления от недуга своему сыну?

По телу Саха́ры пробежали мурашки. Ей стало очень холодно. Сердце забилося с неистовой частотой. Глаза расши-

рились от удивления. Она приложила все силы, чтобы отец не заметил её состояния. В голове мысли пронеслись одна за другой. Но самой главной была мысль: «А что, если это правда?».

- Ты видел этого парня, который излечился? - спросил у Акмáля старый караванщик.

- Да, я видел его, мой господин. Видел его и говорил с ним.

- По нему было видно, что он чем-то болел?

- Нет, совершенно нет. Он говорил, что захворал от чего-то в Триполи и совсем ослаб телом, не мог сам передвигаться, отец вез его обратно в Сирию, чтобы он мог умереть на родной земле, но по пути случилась эта история.

- Ты веришь этому, Акмáль? – спросила Сахáра дрожащим голосом.

- Моя юная госпожа, не стоит верить всему, что говорят люди. Я не знаю правда это или нет, но я склонен к тому, чтобы не верить в эти байки, которые бедуины рассказывают друг другу, ради развлечения. – Акмáль улыбнулся и с нежным отеческим взглядом посмотрел на разочарованное его ответом лицо Сахары. – Не переживайте, моя юная госпожа, в мире много всего неизведанного, возможно, что я и ошибся.

Остаток ужина прошел всё в той же беседе о теме шатра. Сахáра, обычно имевшая своё собственное мнение по всякому вопросу, на этот раз затаилась и подозрительно молчала. Не вымолвив ни слова после своего вопроса Акмáлю, Сахáра

после ужина поднялась к себе в спальню.

Её комнату освещал лишь яркий лунный свет, проникавший через широкое окно. Она подошла к нему и, по своей привычке, присела. Небо было затянуто мерцающими звёздами, лишь немного оттенявшимися ярким светом лунного диска. Пустыня казалась мёртвой, песок, словно чёрный пепел, покрывал всё пространство вокруг, не оставляя ни малейшего шанса любой жизни.

Сахару охватила тоска. Тяготившее её чувство стало ещё более явным. Теперь, когда она своими ушами услышала от Акмаля, что шатёр может исполнять желания, она всё больше думала о том, что это её моральный долг, спасти свою младшую сестрёнку, избавив её от страданий. В конце концов, ведь она её старшая сестра и должна о ней заботиться.

Она продолжала смотреть на звёзды и в голове её рождались светлые образы полночных мечтаний. Она думала о том, как её сестра говорит своё первое слово, как отец радуется и плачет от того, что его дочь, наконец, избавилась от страшного недуга. Она представляла свадьбу Сафины, и её маленьких детей, как они радуются и резвятся, бегая возле моря, куда Сафина непременно переедет после свадьбы. Ведь она так любит это море... От этих мыслей на глазах Сахары проступали слёзы. Ей хотелось верить, что всё это не мечта, что всё это реальность, что все те тяготы, которые приходится нести Сафине сегодня – это просто страшный сон.

Конечно, на первый взгляд, её младшая сестра была счастлива. Отец окружил её заботой и сделал всё, чтобы она жила в комфорте. Но, с другой стороны, у неё никогда не было друзей, единственный человек, с которым она могла свободно общаться – была Сахара. Сафина никогда не могла позволить себе думать о замужестве или о детях, не только потому, что она боялась, что не найдется такого человека, который составит ей пару, но ещё и потому, что боялась передать свой недуг детям. Всё это ужасно тяготило юную девушку, но та, в силу своего характера, предпочитала отмахиваться от этих грозных мыслей, пряча их где-то в глубине себя, до того дня, когда бежать от них станет некуда.

Сахара лучше других знала, через что проходит её младшая сестрёнка. Она постоянно говорила с ней, обнадеживала и рассказывала, что когда-нибудь, в один прекрасный день, все её мечты исполнятся и она встретит того человека, который полюбит её такой, какая она есть. Но, говоря сестре обо всём этом, Сахара, невольно, спрашивала себя, верит ли она сама в сказанные ей слова? И ответ, который она видела у себя в душе, пугал её, заставляя стыдиться и грустить.

Но теперь, теперь всё иначе. Теперь, на горизонте мрачных песков пустыни забрезжила лёгкая заря надежды. Это успокаивало и пугало Сахару одновременно. Ей было приятно думать о том, что на свете есть средства, которые позволят ей помочь младшей сестрёнке, но она понимала, что цена за эти средства будет очень высока. Душа её была беспокойна,

она не могла понять, чего же она хочет, не могла решиться.

Как она вообще сможет найти этот шатёр, если вообще пойдёт его искать. До Триполи путь неблизкий, она может погибнуть в пустыне, к тому же ей – девушке, одной бродить по безлюдным местам довольно опасно. По пустыне опасно бродить даже с полным караваном припасов, не то что в одиночку, но разве она не обязана попробовать? Разве она не будет потом всю жизнь сожалеть, глядя на свою сестру и думая о том, что она могла ей помочь, просто у неё не хватило смелости, чтобы решиться.

Осознав, что она просидела у окна довольно длительное время, Сахара переоделась в своё ночное одеяние, чтобы поспать. Она подумала о том, что утром её голова будет соображать лучше, и тогда она уже примет решение, как именно ей поступить. Укутавшись в своё покрывало, Сахара невольно подумала о том, что если она, всё-таки, решиться на этот поступок то, возможно, ей уже никогда не придется спать на таком удобном покрывале. Мысли о тех вещах, которые она уже больше никогда не сделает увели её вдаль и, вскоре, она беспокойно заснула.

Утро настигло её внезапно. Её снова разбудила сестра. Когда Сахара открыла глаза, то увидела, что Сафина лежит рядом с ней, подёргивая её за разбросанные по покрывалу волосы.

- Сафина? Опять ты встала ни свет ни заря? – Сахара протёрла глаза и увидела широкую улыбку своей сестрёнки. –

Ладно тебе в пустыне не спалось, тут-то что на тебя нашло?

Сафина пожала плечами, всё ещё продолжая беззаботно улыбаться. Она смотрела на свою сестру с неподдельной любовью и уважением, для неё она была всем – единственным человеком, с кем она могла «говорить» свободно. Приподнявшись на кровати, Сафина жестом спросила у сестры, чем они будут сегодня заниматься, но Сахара, проигнорировав её вопрос, накрыла голову покрывалом, чтобы сестра от неё отстала. Сафина была не настроена сдаваться и начала дергать сестру за плечо.

- Какое же ты неугомонное дитя... - пробубнила Сахара, приподнимаясь на кровати.

Сафина согласно закивала, а затем принялась щекотать свою старшую сестру. Сахаре было всё равно, ведь щекотки она не боялась, но она знала, что Сафина это делает не для того, чтобы достать её, а просто она хочет чтобы сестра ей отомстила и бросилась щекотать её в ответ. Отбросив покрывало, Сахара принялась донимать щекоткой свою младшую сестру и та весело стала дергаться, пытаясь извернуться от цепких пальцев своего врага. Но это было бесполезно, если Сахара ловила Сафину, то сбежать ей уже не удавалось. Только тогда, когда младшая сестра, по своему обыкновению, сделала знак, что больше терпеть она не может, Сахаре пришлось остановиться.

Она встала с постели и спустилась вниз, для того, чтобы выбрать себе какой-нибудь наряд на сегодня. Сафина, есте-

ственно, спустилась за ней. Пока Сахара одевалась, она заметила, что младшая сестра не отводит от неё взгляда и, не выдержав, спросила:

- Что-то случилось?

Лицо Сафины быстро переменялось, став каким-то грустным и сочувствующим. Она сделала несколько жестов, которые означали: «Я знаю, о чём ты думаешь...».

- Да неужели? – Сахара улыбнулась, но по её телу, всё же, пробежал небольшой холодок, она испугалась, что сестра, действительно всё поняла.

Сафина снова сделала несколько жестов, которые означали: «вчера», «ужин», «видеть», «печаль», «страх». Она говорила сестре о том, что заметила её состояние за вчерашним ужином и это явно её беспокоило.

- Слушай, Сафина, давай не будем говорить с тобой об этом. Ты же знаешь, что эти вечные попытки отца выдать меня замуж, очень раздражают. Иногда я не могу сдерживаться даже за обеденным столом. Я надеюсь только, что отец не заметил. – Сахара отвернулась от сестры, чтобы не смотреть ей в глаза, но та, подойдя сзади, взяла её за руку и развернула обратно.

На глазах Сафины проступали слезы, в то время, как Сахара держалась из последних сил. Сафина жестом сказала сестре: «Ты лжёшь...». И это было правдой. Несмотря на всё то ребячество и несерьезность, которые присутствовали в Сафине, она очень чётко чувствовала волнения своей сест-

ры, ведь, как ей казалось, она была для неё тяжелой ношей и препятствовала её счастью.

- Прости меня, Сафи... - так Сахара ласково называла свою сестру, когда чем-то перед ней была виновата. – Я не хочу, чтобы ты переживала за меня, всё будет хорошо.

Сафина сделала жест, означавший «лжёшь». И теперь слёзы уже покатались по её щекам беспрепятственно. Она знала, что её сестра задумывается о чём-то страшном и волнующем, и знала, что сестра решится на это, несмотря на любые препятствия. Сахара была очень смелой и упёртой и Сафина это знала, она лишь хотела убедить сестру не принимать поспешных решений, но её юношеские слёзы, только помогли старшей сестре решиться на поступок, который до сих пор она лишь прокручивала у себя в голове.

- Я уйду завтра ночью. – сказала Сахара шёпотом.

От этих слов Сафина упала на колени и, зарывшись в цветном платье своей сестры, принялась плакать, отрицательно качая головой, что означало «нет» на её языке жестов. Весь этот плач был постоянно повторявшимся словом «нет», которым Сафина пыталась остановить свою сестру. Сахара тоже начала плакать и, невольно подумала о том, заперла ли Сафина дверь, когда входила, ведь меньше всего ей сейчас было нужно, чтобы кто-то это увидел.

Дав своей сестре немного поплакать, Сахара тоже опустилась на колени так, что их лица оказались друг напротив друга. Она аккуратно положила ладони на щёки своей сестры и

нежно стёрла большими пальцами остатки её слёз. Глаза Сафины были полны печали и отчаяния, так же, как и у Сахары, но решение уже было принято и, упёртую старшую сестру уже ничто не могло переубедить.

- Я люблю тебя... - прошептала Сахара младшей сестре, поцеловав её в щеку. - Я хочу, чтобы ты была счастлива. Я обещаю, что ты будешь счастлива. Я знаю, что ты захочешь обо всём рассказать отцу или Лазíze, но я прошу тебя этого не делать, иначе, я больше никогда с тобой не заговорю, а потом, когда они ослабят контроль за мной, я всё равно уйду, но с тяжёлым сердцем. Ты этого хочешь?

Сафина сделала жесты, означавшие: «Я не хочу, чтобы ты ушла». Но Сахара только ещё крепче обняла свою младшую сестру. Она прижала её к себе так сильно, что на секунду испугалась, не задушит ли её этим. Их сестринская любовь была прекрасна и чиста. Каждая из них была готова на всё ради другой, поэтому Сахара шептала в ухо своей сестре успокаивающие слова. Но это никак не помогало. Сафина всё равно продолжала плакать, а затем, встав на ноги и отойдя от Сахары, сказала жестом: «Если ты уйдешь, я себя пораню!». Конечно, жест, использованный ей, означал «ранить», но Сахара поняла, что её сестра имела ввиду и, застыв в изумлении, не могла вымолвить ни слова.

Весь мир, само время, казалось, остановилось, для того, чтобы эти девочки могли решить, кто из них станет жертвой, в угоду счастья другой. Они смотрели друг на друга, не от-

вода взгляда. Напряжение между ними стало настолько высоким, что, казалось, его можно потрогать руками. Сафина понимала, что, если с ней что-нибудь случится, то Сахара больше некого будет спасать и незачем сбегать из отеческого дома. Сейчас мысли толкали её на границу пропасти отчаяния, её останавливало лишь осознание любви своей сестры, отца и близких людей. Сахара встала с колен и, подойдя к Сафине, посмотрела в её заплаканные и отчаявшиеся глаза. Во взгляде Сахары тоже было столько отчаяния, столько понимания и жалости, что Сафина, невольно протянула к сестре руки, чтобы обнять её, но, внезапно, её щёку обожгла ладонь. Старшая сестра дала ей сильную пощёчину, настолько сильную, что она не устояла на ногах и упала на колени. Слезы из глаз полились с новой силой, и она со страхом взглянула на Сахару.

- Не смей. – тихо и зло говорила Сахара. – Не смей никогда говорить такое. Твоя жизнь – это самое святое, что у тебя есть. Твоя мать, отдала свою жизнь ради тебя, а ты сейчас бросаешься такими словами? Больше никогда не смей так говорить, поняла?

Сафина кивнула. Как только она это сделала, Сахара тут же упала на колени рядом с ней и принялась обнимать и целовать сестру, прося у неё прощения за столь суровый урок, который она ей преподавала. Девочки просидели обнявшись на полу некоторое время. Ни одна из них не могла перестать лить слёзы, которые, казалось бы, уже должны были закон-

читься. Наконец, Сахара отодвинула сестру и, снова стерев слёзы с её щёк, начала говорить:

- Сафина, я знаю, что ты боишься. Я знаю, что ты думаешь, что я это делаю исключительно ради тебя. Нет, поверь мне, я эгоистка и, возможно, мне это нужно даже больше, чем тебе. Я не представляю свою жизнь в подчинении какому-то мужчине, которого для меня подберет отец. Это не моя судьба и никогда ей не была, поэтому я всё равно должна уйти.

Сафина покачала головой. Она показала сестре следующие слова: «Ты найдёшь любовь...». Но Сахара только улыбнулась и с ещё большей нежностью взглянула на сестру.

- Я так не думаю, моя дорогая. Здесь все давно забыли о любви. Брак стал словно галочкой, словно очередным обязательным этапом в жизни женщины. Я не верю в эти идеалы, ты же знаешь, какая я упёртая. Другое дело ты, ты будешь прекрасной женой, моя сестрёнка, и любой мужчина будет счастлив построить с тобой семью. – Сахара снова обняла свою младшую сестру, а затем, встав, помогла и ей подняться с пола.

Сафина, немного успокоившись, показала сестре фразу, которая заставила ту улыбнуться. Она сказала : «Я пойду с тобой». Увидев это, Сахара даже немного рассмеялась.

- Со мной? Как ты пойдешь со мной? Ты же знаешь, как опасно в пустыне, тебе незачем идти со мной. Для меня будет спокойнее, если ты останешься.

Сафина в ответ покачала головой.

- Ты что, всерьёз думаешь, что можешь пройти через пустыню в одиночестве? Ты – весёлая и задорная девчушка, находящая удовольствие в своих платьях и подарках, ты думаешь, что способна на это?

Сестра кивнула.

- Ты не понимаешь, сестрёнка. – Сахара приобняла Сафину. – Это не будет похоже на наше обычное путешествие. Я не знаю куда вообще приведёт нас пустыня. Там будет жарко, там захочется пить и есть. Это будет очень и очень тяжело.

Сафина руками показала сестре: «Я иду или говорю отцу». Сахара прикрыла рукой лицо. Её, конечно, раздражало упорство сестры, но она понимала, почему она так поступает и она бы всерьёз запереживала об этом, если бы у неё в кармане не был припасен заранее подготовленный трюк.

- Хорошо, Сафина, ты меня уговорила. – сказала Сахара с абсолютно серьёзным лицом. – Только если мы уйдем, то уже не вернёмся, пока не сделаем то, что должны. Я не хочу, чтобы потом ты плакала от того, что в пустыне жарко, тебе хочется пить, и ты хочешь домой. Хорошо?

Сафина весело кивнула и сама утерла свои слёзы.

- Ладно, упёртая девчонка. Мы поступим так: сегодня – отдыхаем, а завтра днём, я соберу нам некоторые вещи в дорогу, после чего ночью мы отвяжем двух верблюдов и отправимся в наш поход. Только смотри, чтобы никто ничего не

заподозрил, ясно? Веди себя естественно.

Сафи́на показала жестом «Хорошо».

- Ладно, а теперь иди умойся, мы увидимся с тобой за завтраком. – Саха́ра ещё раз обняла сестру, а затем открыла перед ней дверь, чтобы та вышла. Оставшись одна, Саха́ра снова заперлась и, присев на пол, закрыла лицо руками и начала плакать. Она понимала, что это её последний день в этом доме. Конечно, она не собиралась брать с собой младшую сестру, поэтому она решила уйти этой же ночью. Осталось только собрать некоторые вещи.

Просидев немного на полу, Саха́ра поняла, что если она хочет уйти сегодня, то ей следует поторопиться. В дорогу нужно было собрать много всего. Простая одежда у неё была, также она решила, что накинёт на себя сверху балахон, а на голову повяжет тюрбан, чтобы издали её могли принять за мужчину. Она решила, что много еды брать не будет, всё равно Саха́ра не отличалась особым аппетитом, а вот для воды она выделила побольше места. Она приняла решение, заполнить водой три бурдюка. Это было несложно сделать, ведь подготавливать подобные запасы для караванов отца было её прямой обязанностью. Верблюда она отвяжет поздней ночью, когда все на стоянке уже будут спать. Самое главное, чтобы её не заметил Акмаль, часто ночами обходивший кругами стоянку, пытаясь побороть в себе приступы бессонницы.

Весь день прошёл для неё в состоянии тревоги, которое

она успешно скрыла ото всех, кроме своей младшей сестры, наблюдавшей за каждым движением мимических мышц Сах ры. Саф на, если говорить откровенно, справлялась гораздо лучше и, на первый взгляд, вообще ни о ч м не думала. Она также беззаботно улыбалась и весело переодевалась в наряды, привез нные ими вчера из Триполи. Сах ра невольно подумала про себя, что возможно недооценивала сестру и та, не такая уж и простодушная.

Вечер подкрался незаметно. Сах ра успела подготовить всё необходимое, спрятав все припасы в одном из верблюжьих стойл. После ужина она спокойно пошла в свою комнату, обняв перед уходом Сафину и прошептав, чтобы та отдохнула перед завтрашним днем. А дальше началось самое тревожное время – ожидание, пока все заснут. Время снова удлинилось и тянулось, словно неспешное течение еле живой пустынной реки. Сах ра не хотела ложиться в кровать, она боялась, что может случайно заснуть. Она сидела у окна, вновь глядя на светлый лунный диск, словно на последний луч надежды.

- Сегодня я стану свободной, моя дорогая подруга, сегодня мы с тобой станем одним целым. Я буду идти, а ты будешь освещать мне путь, ты ведь не бросишь меня? – Сах ра устремила свой взгляд на небо, но ответа так и не дождалась.

Когда на улице стояла глубокая ночь, Сах ра уже была одета в свой дорожный костюм с тюрбаном на голове. Она вышла из комнаты и украдкой засеменила к выходу во двор.

Дверь была открыта. Лазиза часто оставляла её открытой настежь, чтобы ночью в доме обновился воздух. Порадовавшись тому, что дверь открыта, Сахара нырнула в её просвет и вышла во двор, она уже направлялась в сторону ворот, когда внезапно встала, как вкопанная. Прямо у двери входных ворот, в лунном свете красовалась фигура её сестры. Сахара просто опешила от подобного зрелища, ведь она никак не ожидала её увидеть.

Сафина же, сделав несколько шагов вперёд, показала сестре пару жестов, которые означали: «Я знала, что ты лжёшь».

- Сафина, пойми, тебе лучше остаться дома, тем более, что я сделала припасов, только на себя. – говорила шёпотом Сахара, боясь издать хоть какой-нибудь звук.

Сафина продолжала свой жестовый разговор, на этот раз показав сестре фразу: «Я всё сделала».

- Хочешь сказать, что подготовила себе припасы? – спросила Сахара, удивлённо глядя на уверенный взгляд своей младшей сестры. Та после её вопроса кивнула. – Где же они тогда?

Сафина сделала сестре знак следовать за ней. Они вышли из ворот, где недалеко уже стояли два готовых верблюда, снаряжённые запасами воды и пищи, также Сахара увидела небольшую свернутую палатку, а ещё сбоку у каждого из животных красовалась небольшая сабля.

- Это же не наши верблюды! – кричала Сахара шепотом. – Ты... Да как ты вообще умудрилась их отвязать?

Сафи́на показала на свои ноги, а затем приложила указательный палец ко рту, что означало «тишина». Наслаждаясь недоумением сестры, Сафи́на с легкостью грациозной птицы вспорхнула на верблюда и, развернув его, направила прочь от ворот. Сахаре ничего не оставалось, как подчиниться сложившейся ситуации, ведь если она сейчас поднимет шум, то сама уже никогда не сможет покинуть дом, отец наверняка приставит к ней дежурить Лазізу, а этого Саха́ра не хотела больше всего, потому что больше самого замужества она ненавидела только одно – разговоры о замужестве.

Вскочив на своего верблюда, Саха́ра поспешила догнать свою сестру. С этого и началось их путешествие в пустыню. Самый отчаянный и безумный из поступков, которые Саха́ра делала за всю свою жизнь. Несмотря на то, что из сестёр именно она была взбалмошной и упрямой, ей, почему-то, сейчас было страшно, в отличии от Сафи́ны, которую вся эта ситуация скорее веселила.

Когда они отошли от дома на приличное расстояние, Саха́ра, наконец-то, решила заговорить и предпринять последнюю попытку остановить свою сестру:

- Сафи́, прости меня, я знаю, что я тебе соврала, но я сделала это, чтобы защитить тебя. Прошу тебя, если можешь, если моё спокойствие для тебя хоть что-то значит, разверни своего верблюда и вернись домой, пока мы ещё не ушли слишком далеко. – она смотрела на сестру с надеждой, думая, что эта отчаянная просьба вразумит Сафи́ну и та повер-

нет, но, как говорится, не тут-то было.

Сафíна лишь улыбнулась и чуть подстегнула своего верблюда, чтобы он наоборот пошёл быстрее. Сахáра сделала то же самое. Деваться было некуда, придется мириться с обстоятельствами.

Хоть Сахáра и делала вид, что недовольна тем, что сестра, послушавшись её, пошла с ней в пустыню, но, в глубине души она была благодарна, что сейчас не одна. Рядом с сестрой ей было спокойнее, ведь пустыня – это очень опасное место, тем более, когда избираешь для себя такой далекий путь.

Взглянув на звёзды, девушки направили своих животных на северо-запад и их путешествие началось. Путь был довольно неблизким. Им предстояло пересечь великую пустыню с южной до северной границы. Обычно это занимает почти две недели, когда двигаешься от остановки к остановке, давая отдохнуть животным и себе. Но Сахáра понимала, что этот путь им не подходит, ведь на больших остановках всегда много людей и две одинокие девушки, куда-то бредущие по пустыне, явно вызовут вопросы.

Она избрала для себя и сестры другой путь. Вместо того, чтобы перемещаться между остановками, растягивая путешествие, но делая его более безопасным, Сахáра решила, что они пойдут через пустыню напрямую. Верблюды довольно выносливые животные и, если правильно воспользоваться их ресурсами, то можно было рассчитывать на успех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.